

УДК 94(47)

## «Летопись студентов Казанской духовной академии 1915 г.» как исторический источник

П. А. Майоров,

Казанский федеральный университет,  
г. Казань, Республика Татарстан,  
Российская Федерация

## “Chronicle of students of the Kazan Theological Academy in 1915” as a historical source

P. A. Mayorov,

Kazan Federal University,  
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian  
Federation

### Аннотация

В статье рассматривается ранее не опубликованная и не изученная рукопись студентов Императорской Казанской духовной академии, составленная в 1915 г. Изучены такие аспекты, как история появления документа, проблема авторства, его интерпретация и анализ содержания. Уникальность рукописи заключается в количестве авторов, участвовавших в ее создании. Находившаяся в открытом доступе для всех студентов одной из жилых комнат академии, «летопись» вобрала в себя записи, заметки, истории и комментарии к различным событиям примерно от 12 человек. Различия во взглядах, ценностях и характеристах авторов сделали текст рукописи чрезвычайно нестабильным, полярным по содержанию и смысловой нагрузке. Благодаря этому обстоятельству, рукопись стала коллективным дневником студентов, вобравшим в себя зарисовки повседневной жизни, досуга и праздничной культуры Казанской духовной академии периода Первой мировой войны. Наибольший пласт информации, содержащийся в рукописи, посвящен повседневной жизни студентов и преподавателей, их распорядку дня, рациону питания, привычкам и межличностным отношениям. Чрезвычайно интересная как самостоятельный документ, «летопись» в то же время помогает восполнить недостающие знания о казанском студенчестве в указанный период.

### Abstract

The article examines a previously unpublished and unexplored manuscript of students of the Imperial Kazan Theological Academy, compiled in 1915. Aspects such as the history of the document's appearance, the problem of authorship, its interpretation and content analysis have been studied. The uniqueness of the manuscript lies in the number of authors who participated in its creation. The chronicle, which was publicly available to all students in one of the academy's living rooms, incorporated notes, stories and comments on various events from about 12 people. Differences in the views, values and characters of the authors made the text of the manuscript extremely unstable, polar in content and semantic load. Thanks to this circumstance, the manuscript became a collective diary of students, which incorporated sketches of everyday life, leisure and festive culture of the Kazan Theological Academy during the First World War. The largest layer of information contained in the manuscript is devoted to the daily life of students and teachers, their daily

routine, diet, habits and interpersonal relationships. Extremely interesting as an independent document, the “chronicle” at the same time helps to fill in the missing knowledge about Kazan students during this period.

### **Ключевые слова**

Духовное образование, Казанская Духовная академия, Первая мировая война, история повседневности, студенчество, источниковедение.

### **Keywords**

Theological education, Kazan Theological Academy, First World War, history of everyday life, students, source studies.

В 1723 г. согласно Духовному Регламенту Петра I в Казани была учреждена архиерейская элементарная школа. Именно эта дата традиционно считается временем основания Казанской Духовной семинарии и отправной точкой для всего духовного образования в Казанском крае. В нынешнем 2023 г. Казанская духовная семинария празднует свое 300-летие, в рамках которого была подготовлена публикация весьма интересного источника по истории другого, не менее значимого духовного учреждения – Казанской Императорской духовной академии. Многие выпускники духовной семинарии нередко продолжали свой путь образования в качестве студентов академии, олицетворяя тем самым преемственность ценностей и традиций<sup>1</sup>.

Всплеск мемуаров и дневников в России, наметившийся в конце XIX, а особенно в начале XX в., привлек внимание историков и исследователей достаточно давно. Возросшее число источников личного происхождения связывают с множеством факторов – начиная от «духа эпохи», буквально заставлявшего многих авторов фиксировать свои мысли и переживания в трудные для отечества времена, и заканчивая вполне утилитарными новшествами, как например распространение машинописи. Все эти факторы в совокупности сформировали чрезвычайно интересный пласт источников, позволяющий нам дать оценку не только социально-политической ситуации в стране, но и увидеть внутренний мир людей, живших более ста лет назад.

Начало Первой мировой войны, первая в Российской империи всеобщая мобилизация и назревающий после них кризис еще больше усилили стремление российских подданных зафиксировать на бумаге свои ощущения, эмоции и ожидания. Не осталось в стороне и студенчество. Будучи наиболее нестабильными с точки зрения политических взглядов и экономического положения, студенты нередко ставили свое отношение к происходящему в государстве в прямую зависимость от изменений в повседневной жизни. Такие аспекты, как введение «сухого закона», рост цен на продукты питания и развлечения, привлечение к военному производству нередко оказывали определяющее значение, когда речь заходила об отношении студентов к обществу, власти и государству.

Стоит, однако, отметить, что в случае с Первой мировой войной, как это известно из множества исследований, лейтмотивом общественного состояния в первый год войны было всеобщее воодушевление, распространявшееся в том числе и на студенчество. Кроме того, студенчество, само по себе разношерстное по своему составу, демонстрировало разное отношение к происходящему в зависимости от типа учебного заведения<sup>2</sup>. Об этих особенностях, в том числе, может рассказать предлагаемый к рассмотрению источник. Стоит заранее отметить, что представленное исследование носит предварительный характер, поскольку информация, содержащаяся в источнике, изобилует персоналиями, событиями и терминами, описание и анализ которых могут претендовать на полноценную монографию.

По этой причине основная цель, которую ставит автор – дать общее представление о специфике документа и его потенциале как исторического источника.

#### Исторические условия возникновения источника

Летопись студентов 3 курса Казанской духовной академии<sup>3</sup> (далее – летопись и рукопись) представляет собой тетрадь размером 22 на 17 см, объемом 78 листов, заполненных прописным почерком черными чернилами. Датируется документ 1915 г., а точнее с 11 февраля по 7 декабря (по старому стилю) – этими числами датируются крайние записи в рукописи. Общее состояние рукописи весьма хорошее. Более чем за сто лет текст рукописи не выцвел, края листов не измяты и не затерты. Общую твердость документу придает плотная кожаная обложка.

На высокую степень сохранности документа (как и на сам факт сохранности) повлияли как внешние, так и внутренние факторы. Помимо качественной бумаги и чернил можно отметить благоприятные условия хранения. Исходя из содержания рукописи, пустая тетрадь была приобретена студентом академии Николаем Орловым в начале февраля 1915 г. Страницу, предваряющую первые записи, авторы заполнили фигурными буквами, озаглавив рукопись «летописью», а внизу оставили уточнение – «II тетрадь». В тексте документа действительно упоминаются события, содержащиеся в старой тетради, поэтому можно предположить, что для студентов ведение подобных записей было уже известной практикой. Первая тетрадь, которая предположительно велась с 1914 г., скорее всего осталась в собственности одного из авторов после ее окончания. Однако ее продолжение, ставшее объектом нашего исследования, сохранилось «благодаря» изъятию у одного из студентов – Николая Дьяконова – в 1916 г. Став частью некого судебного делопроизводства, рукопись перешла в категорию вещественных доказательств и впоследствии стала частью

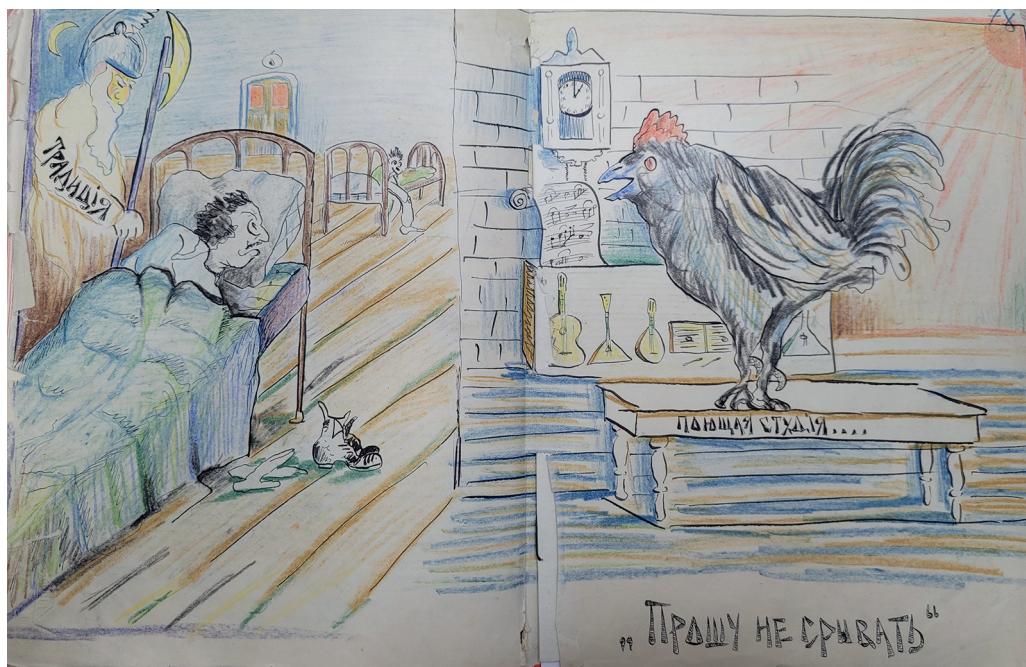


Рисунок на развороте рукописи. ГА РТ, ф. 51, он. 8, д. 514, л. 77 об.-78.

*Drawing on the spread of the manuscript. State Archive of the Republic of Tatarstan, fund 51, series 8, file 514, p. 77, rev. 78*

архивного фонда Казанской Судебной палаты. О причинах изъятия, ходе расследования и его результатах нам ничего не известно<sup>4</sup>.

В течение года студенты 3-го курса академии вели в тетради записи, посвященные наиболее интересным с их точки зрения событиям. На период летних каникул записи прерываются и возобновляются с октября 1915 г.<sup>5</sup> Существует вероятность, что исследуемая рукопись могла стать частью внушительной коллекции мемуаров по истории академии. В печатном обращении Совета Казанской духовной академии в марте 1916 г. содержалась просьба к бывшим выпускникам академии выслать рукописи, относящиеся к истории академии, поскольку академия готовилась к празднованию 75-летнего юбилея<sup>6</sup>. В ответ на это, студент на тот период уже 4 курса академии Николай Орлов составил от имени своих товарищей письмо на имя ректора академии, в котором сообщал о наличии в кругу его сокурсников большого количества рукописей и дневников, которые они вели в период своего пребывания в академии. В этом письме перечислялись условия использования информации в этих рукописях, как например их хранение в отдельном ящике в запечатанном виде, вскрытие ящика не ранее 100-летнего юбилея академии и др. Общее число причастных к данной «коллекции» называлось не менее 20 человек<sup>7</sup>. Поскольку в фондах Духовной академии таких документов найдено не было, можно предположить, что рукописи и дневники академией принятые не были.

### Проблема авторства

Наибольший интерес представляет вопрос авторства изучаемого источника. Приобретенная в начале 1915 г. тетрадь располагалась в студенческой комнате академии (студии № 41), в которой обитало не менее 13 человек<sup>8</sup>. Такое количество потенциальных «авторов» влияло как на содержание рукописи, так и на ее оформление. Так, например, большинство страниц никогда не заполнялось полностью, чтобы другой студент мог оставить свой комментарий в виде сноски, нередко многоуровневой, из-за чего постоянно присутствовал элемент спора, диалога или дискуссии. Автор исследования не берется утверждать, что к созданию источника приложили руку безусловно все обитатели комнаты, однако явные отличия почерков позволяют говорить как минимум о шести разных участниках. Сама рукопись большую часть времени находилась в открытом доступе не только для студентов в комнате, но и для посетителей – студентов других курсов и даже преподавателей, поскольку о существовании и содержании рукописи было известно инспектору студентов архимандриту Гурию<sup>9</sup>.

Учитывая эти условия может показаться странным тот факт, что имена студентов академии, по общему решению авторов, всегда сокращались до инициалов, как например Н.А.О., или Н.Н.Д. Причина подобного решения, скорее всего, относится к мотивации создания самой рукописи. Прочтение «летописи» может привести исследователя к мысли о том, что ее авторы писали ее исключительно для себя и своего окружения, как некий личный памятник студенческой эпохи в жизни, не планируя при этом публично распространяться о ее содержании. Для чего же тогда были нужны инициалы? Наиболее очевидной кажется сугубо практическая причина – сокращение имен экономило место, а личность «скрывавшаяся» за инициалами была прекрасно известна потенциальным читателям. Кроме того, сокращать имена было целесообразно в случае утраты рукописи и возможного использования содержащейся в ней информации посторонними (вспомним факт изъятия рукописи как вещественного доказательства). В то же время содержание текста едва ли могло нанести какой-либо ущерб имиджу Духовной академии, поскольку рисуемый в ней образ студентов мало чем отличался от образа типичного студента той эпохи.

Несмотря на использование инициалов, установить примерный список всех упоминаемых в рукописи имен можно методом сверки ведомостей студентов, хранящихся в фонде Духовной академии. В публикуемых ниже фрагментах источника все инициалы, упоминаемые впервые, были развернуты либо вынесены в виде сноски. Полные списки студентов академии, как нам кажется, не дадут какой-либо информации для понимания содержания рукописи, за исключением того факта, что большинство студентов были не из Казанской губернии.

Возвращаясь к вопросу об авторах рукописи, стоит отметить их разношерстный состав, насколько он был возможен для воспитанников Духовной академии. Речь здесь в первую очередь идет о характерах, мотивациях и привычках, которые от студента к студенту могли отличаться вплоть до противоположных. По этой причине рядом с записями скабрезных анекдотов могли соседствовать благочестивые изречения из Писания, а напротив обсуждения недавней лекции бурно обсуждался недавний поход в театр. Именно эта стилистическая, темповая и смысловая полярность придает рукописи ее ценность как уникального, в своем роде, коллективного дневника. Указанные выше особенности текста и его содержания позволяют утверждать о его подлинности, а значительную часть содержащейся в ней информации установить как достоверную. В то же время, наличие в тексте рукописи разнообразного сленга и непередаваемой игры слов требует от потенциального исследователя критического отношения к неоднозначной информации.

#### *Интерпретация источника*

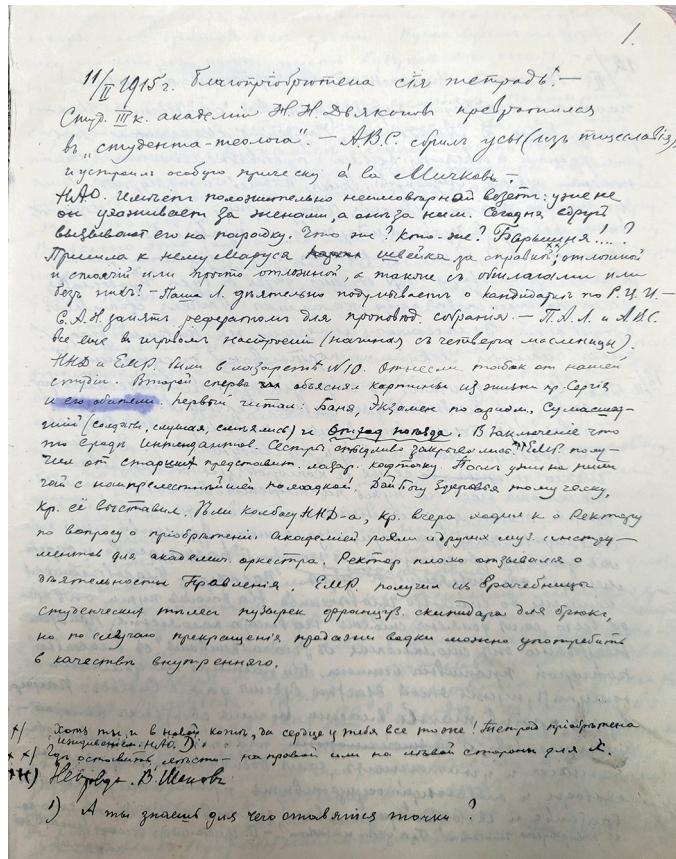
Переходя к интерпретации рукописи важно отметить контекст эпохи и социокультурный облик ее создателей. Текст «летописи» создавался в достаточно специфическом кругу молодых людей, обучавшихся в пусты и не закрытом, но однозначно обособленном учебном заведении. Как уже было отмечено выше, одной из мотиваций создания рукописи было желание запечатлеть наиболее яркие и интересные события из жизни академистов. В силу многочисленности авторов установить четкие критерии для таких событий достаточно сложно. Общим стремлением для студентов, однако, было желание развеять повседневную рутину, выводя ее в плоскость юмора, аллегории или фарса. Несмотря на часто упоминаемые в тексте выходы студентов в город, значительная часть жизни академистов протекала в главном здании на Арском поле, в котором большинство из них жило полным пансионом – т. е. получала спальное место, питание, форму, учебники и др. Немаловажно также отметить исключительно мужской коллектив, как среди студентов, так и в профессорско-преподавательском составе, что формировало весьма специфическую среду<sup>10</sup>.

Лейтмотивом повседневной жизни большинства студентов Российской империи была борьба со скучой. Способы этой борьбы разнились в зависимости от финансового состояния, личных убеждений и студенческой солидарности. Студентам Казанской духовной академии были не чужды все развлечения, доступные типичному студенту в начале XX в.<sup>11</sup> Разумеется, руководство академии могло проявлять обеспокоенность фактами употребления студентами алкоголя и табака, осуждать чрезмерное увлечение противоположным полом, и советовать придерживаться аскетичного образа жизни,нского будущим священнослужителям. Однако все эти ограничения, особенно вне стен академии, носили исключительно рекомендательный характер, игнорируемый многими вплоть до посвящения в монашеский сан<sup>12</sup>.

Полный пансион студентов, несмотря на большое количество удобств, покрывал преимущественно базовые потребности студентов, многие из которых были крайне бедны. Большую часть зимы многие академисты проводили в своих комнатах, поскольку теплые шубы и валенки никогда не входили в статьи расходов содержания

Первая страница рукописи.  
11 февраля 1915 г. ГА РТ,  
ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 1.

First page of the manuscript.  
February 11, 1915. State  
Archive of the Republic of  
Tatarstan, fund 51, series 8,  
file 514, p. 1.



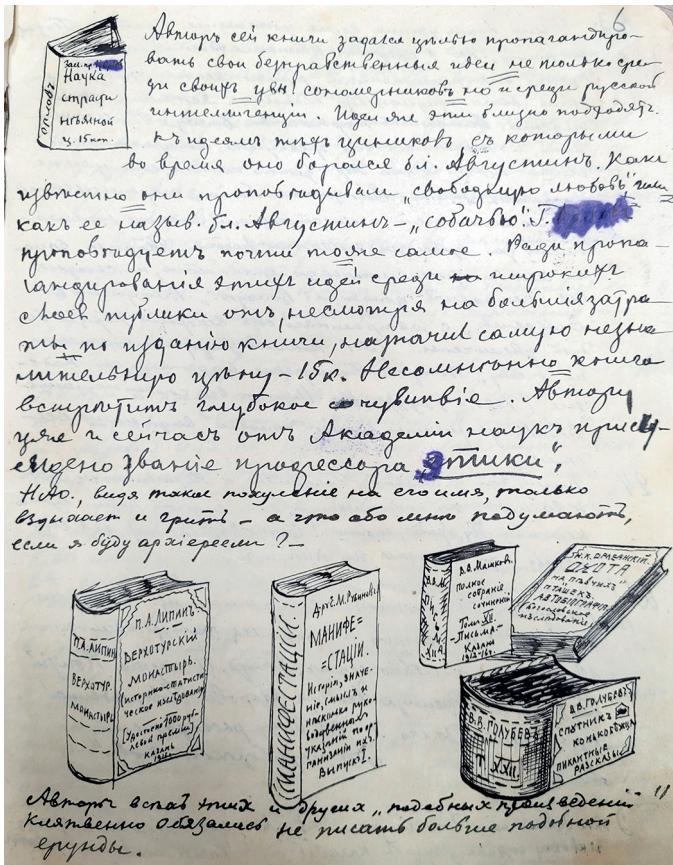
студентов. Как и в XIX в., в стремлении выбраться из затхлого помещения на улицу в сильные холода, многие из них укутывались в шали, шарфы и платки, и в таком виде перемещались по городу. А многие из студентов и вовсе могли не выходить из академии в течение всей зимы.

Для интерпретации источника наиболее важным является понять, чем документ являлся для ее авторов. В случае с исследуемой рукописью ключевым в понимании замысла документа будет название, которое ей дали сами студенты. Создавая «летопись», академисты не просто записывали различные наблюдения из повседневной жизни, они также старались придать ей (пусть иногда и в шуточной форме) характер исторического труда, хроники жизни в отдельно взятом учебном заведении. Авторы не относились к рукописи чересчур серьезно, однако всячески стремились к регулярному заполнению страниц и комментариям, даже если конкретные дни не содержали в себе ничего примечательного.

#### Анализ содержания

Как уже было сказано, всеобъемлющий анализ содержания «летописи» подразумевает под собой гораздо более объемный формат, чем того позволяет статья. Однако даже в рамках предварительного обзора можно дать оценку источниковедческому потенциалу рукописи, разделить содержащуюся в ней информацию на категории и заострить внимание на некоторых ключевых моментах.

Наибольший потенциал для исследователей представляет собой рукопись с точки зрения описания повседневной жизни студентов в годы Первой мировой войны. Здесь многократно перечисляются многие виды внеучебного досуга, как например посещения кинематографа, театра, катка и различных увеселительных



Зарисовки и обсуждение вымышленных книг, придуманных авторами рукописи. ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 6.

Sketches and discussions of fictional books invented by the authors of the manuscript. State Archive of the Republic of Tatarstan, fund 51, series 8, file 514, p. 6.

заведений. Регулярные упоминания различной еды, как в постные, так и в праздничные дни, позволяют дать оценку рациону питания академистов. Описания точного времени создания записей, различных промежутков времени (присутствия или отсутствия студентов, длительности занятий и отдыха) могут помочь в реконструировании актуального распорядка дня.

Содержание «летописи» позволяет понять, как на жизни Казанской духовной академии отразилась Первая мировая война. Активная вовлеченность академистов в работу госпиталей для раненых солдат, сборы пожертвований, благотворительные концерты – эти и многие другие новшества в значительной степени отражали разнообразный характер отношения студентов к происходящему в стране и в мире. Несмотря на то, что многие академисты разделяли популярные тогда социалистические взгляды и в целом сочувствовали идеи революции, в тексте рукописи практически отсутствуют радикальные размышления. Можно предположить, что взгляды и ценности будущих священнослужителей, преподавателей и богословов в значительной мере предопределялись местом обучения, выбранным сознательно.

В рукописи можно встретить немало косвенных свидетельств характера межличностных отношений, причем не только между студентами, но также между академистами и преподавателями, управляющим персоналом. Во многих своих действиях студенты нередко придерживались коллективного принятия решений и отстаивания общих интересов, что было распространенной чертой в их среде. Однако присутствовали и моменты обособления. В Казанской духовной академии, как и во многих императорских университетах, были распространены землячества. Среди авторов «летописи», живших в одной комнате, чаще всего упоминаются

«пермяки» – уроженцы Пермской губернии, проводившие вместе основные формы досуга. Студенческая солидарность и сплоченность нередко давали трещину в бытовых аспектах совместного проживания. Упомянутая в тексте рукописи «касса взаимопомощи» просуществовала крайне недолго, поскольку очень быстро стала выгодна лишь в отношении беднейших сокурсников<sup>13</sup>. Гастрономические запросы обитателей комнаты нередко удовлетворялись за счет нескольких наиболее состоятельных (или предприимчивых) студентов, поскольку кухня академической столовой нечасто предлагала им что-то кроме постных блюд.

Праздничная культура занимала особое место в жизни Казанской духовной академии, поскольку именно в период праздников повседневная рутина разбавлялась новыми практиками и формами досуга. Все праздники в академии можно условно разделить на несколько категорий. Во-первых, это крупные религиозные праздники, такие как Пасха, Троица, Рождество. Помимо ритуального аспекта, для студентов они были интересны разговорением – обильным приемом пищи после поста. Другими регулярными праздниками являлись дни рождения и именины, которые нередко были равны по значимости. В рукописи присутствуют описания нескольких застоев, сказанных поздравительных речей и врученных подарков. В одной из последних записей «летописи» описывается день рождения Н. Н. Дьяконова, на котором, в числе прочих были зачитаны поздравительные письма и открытки имениннику. Среди прочих отправителей упоминается Григорий Распутин Новых<sup>14</sup>. Мог ли обычный студент академии иметь личные отношения с известнейшим в России придворным мистиком или же он был упомянут для комичного эффекта, фарса? К сожалению, это далеко не единственный эпизод рукописи, содержание которой не может быть однозначно трактовано как достоверная информация. Достаточно подробно в «летописи» описано празднование 8 ноября – даты основания академии. При этом наибольший интерес это описание представляет в сравнении с официальным отчетом, составленным Советом академии<sup>15</sup>, поскольку именно в таких аспектах исследуемая рукопись демонстрирует свой источниковый потенциал.

Помимо текстовой информации, в «летописи» неоднократно встречаются различные рисунки, начиная от схематичных изображений книг, предметов и животных и заканчивая зарисовками внешности некоторых студентов. В некоторых местах сохранились отдельно подклеенные конверты с письмами (с приглашениями на собрания, чаепития и вечеринки), а также вырезки из газет, с упоминаниями студентов Духовной академии<sup>16</sup>.

Источниковедческий потенциал исследованного документа возрастает по мере углубления в содержание рукописи. На первый взгляд может показаться, что «летопись» студентов Казанской духовной академии является уникальным, но не серьезным памятником эпохи. Однако в процессе многократного прочтения, исследователь неизбежно столкнется с необходимостью изучения достаточно широкого корпуса источников, дающего ответы на многие вопросы, скрытые в тексте документа. Содержание «летописи» имеет большую ценность для всех специалистов, занимающихся историей Казанской духовной академии, казанского студенчества и его быта в период Первой мировой войны.

### **ПРИМЕЧАНИЯ:**

1. О преемственности духовных образовательных учреждений см.: Исхакова Р. Р., Галеева М. А. Роль Казанской Духовной академии в становлении народного образования Поволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2021. – № 2. – С.13-18.
2. Майоров П. А. Восприятие Первой мировой войны в среде российского студенчества 1914-1917 гг. // Аспирантские чтения – 2022: исследования молодых ученых в решении актуальных

проблем науки и практики: электронный сборник материалов научно-практической конференции, Казань, 27-29 апреля 2022 года. – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – С. 114.

3. ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514.

4. По крайней мере известно, что сам Дьяконов успешно окончил академию со степенью кандидата богословия в 1916 г.

5. На собрании Правления академии от 24 января было решено перенести начало занятий в 1915-1916 учебном году на 1 октября ввиду строительных работ в здании академии, назначенных к выполнению на 1 мая. По этой же причине студенты первых трех курсов должны были закончить обучение 1 мая, а 4 курс – в июне (с размещением в академической больнице на время ремонта главного здания) (см.: ГА РТ, ф. 10, оп. 1, д. 11354, л. 33).

6. ГА РТ, ф. 10, оп. 1, д. 11374, л. 6.

7. Там же, д. 11382, л. 2.

8. На одной из страниц «летописи», датированной 13 февраля 1915 г., было приведено 13 четверостиший, названных «подписями под портретами обитателей студии № 19». В другом фрагменте приведено стихотворение, в котором говорится о 12 студентах.

9. Вопрос о «доступности» рукописи для посетителей все же стоит считать неоднозначным. В записи, датированной 23 февраля упоминается конфликт, возникший после того, как содержание рукописи было показано посетившим студию сестрам милосердия и кузине одного из студентов.

10. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы): в 3 т. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – Т. 3. – С. 165.

11. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – С. 359.

12. Непосредственно пострижения в монахи были для академии не экстраординарным, но достаточно редким событием.

13. ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 25.

14. Там же, л. 77.

15. Там же, ф. 10, оп. 1, д. 11264, л. 21-26.

16. Так, на л. 23 рукописи присутствует вклеенная заметка из газеты «Казань» за 7 апреля 1915 г. под заголовком «Ловеласы». Соавтором заметки выступил один из обитателей студии, в назидание (или ради осмеяния) двух других студентов академии.

### Из «Летописи студентов 3 курса Казанской духовной академии 1915 г.»

16 февраля. Понедельник.

Обозревали историко-этнографический музей при И.К.Д.А.<sup>1</sup> Руководил директор музея Н.Ф. Кат[ано] в совместно с швейцаром библиотеки. Самая замечательная редкость этого древнехранилища, хранящаяся в железном шкафу под семью печатями, и сделавшая музей известным во всем мире – диссертация М. Т. Иванова о почитании святых в Исламе. Вторая по ценности вещь – жезл Сиамского короля, хранившийся Федором Ив[анови]чем где-то за печкой. Жезл сделан из цельной слоновой кости и, по словам директора, стоит очень дорого. Из других редкостей, заслуживающих упоминания: два куска мела и одна конфетка, которую чуть было не съел («немножечко откусил») Н. Орлов, чашки с толокном, водкой, сыром, крупой и др. поднесения в жертву домовому; статуэтка будды с женской головой после 6-летнего голодного истощения; остатки стекла, которое только что пред нами вставил стекольщик и которое тотчас же было разбито нами (очевидно, оно приобрело привычку раскалываться на части при прикосновении к нему студенческих локтей) и др. и др. Е.М.Р.<sup>2</sup> и Н.А.О.<sup>3</sup> решили завести себе тюбетейки на подобия показанных Н.Ф. Кат[ановы]м. В заключение директор очень деликатно «выкупил» нас из музея: развел какое-то дезинфекционное средство, действующее в 10 раз сильнее формалина. У посетителей музея сразу заслезились глаза, разболелась голова и они, словно испуганные зайчата, бросились в бегство.

Сегодняшнее посещение А.В.С.<sup>4</sup> почтовой конторы ознаменовалось знаменательным событием. Последствия ожидаются после 15 марта. Тогда нужно ждать на нашем столе ежедневно по 2 фунта халвы.

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 3 об.

23 февраля.

Было после ужина великое утешение братии. Подобно тому, как в средине Великого Поста износится крест для поклонения и нравственной поддержки, нам было предложено обильное яствами услаждение. Виновник торжества Володя Г. Мы пришли и поклонились богу чревоугодия. Отсутствовал лишь В.А.В.<sup>5</sup> Паша Тр[оицкий] до того наелся, что уже не мог соображать. Настроение было «торжественное»: если со вниманием и ожесточением – так наголодались за предыдущие недели Поста. Порции белого хлеба уменьшились до крайности, но сегодня Иван Петрович доложил Володе: «Владимир Васильевич, с завтрашнего дня вечерние порции будут увеличены». Е.М.Р. кончил реферат курсистки на тему «Второе Болгарское царство и его падение» (1195-1398). На Шипке все спокойно, лишь В.В.М.<sup>6</sup> укоризненно качает головой, видя наше безделие.

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 6 об.

1 марта.

Духовой концерт в дворянском собрании

Н.А.О. признался после концерта, что он особенно неравнодушен к женскому полу. Не понимаю!

Духовой концерт, данный соединенным хором студ[ии] Академии и воспитанниц епархиального училища (около 100 ч[еловек]), прошел очень весело (По-видимому, два последних слова совсем не идут к делу, но все не бывшие на концерте задавали в первую очередь вопрос: «Ну что, весело было на концерте?»). Публика и участники веселились во всю. Серж Парадоксов в качестве игрушки взял звонок и бегал с ним по залам собрания. П.А.И.<sup>7</sup> продавал разноцветные бумажки и считал деньги. Четверо студентов, нарядившись в длинную с развивающимися полами одежду зеленого цвета бегали по лестнице и дразнили публику картинками: «От, мол, сколько у меня красивеньких картинок, а у вас ни одной». В игре приняли участие и все (за исключением С.А.И.<sup>8</sup>) обитатели нашей студии. В.А.В., Н.В.Т.<sup>9</sup>, Н.Н.Д.<sup>10</sup>, П.А.Т.<sup>11</sup> и Н.В.И.<sup>12</sup> целый вечер орали во все горло, но, по-видимому, совсем напрасно, так как за общим шумом их совершенно было неслышно. А.В.С., Н.К.О.<sup>13</sup>, Ф.М.К.<sup>14</sup> и П.А.Л.<sup>15</sup> сперва занимались игрой в торговлю: покупали билетики и отдавали привратникам, затем играли в спящих и наконец, в бродячие соседи. Больше всего им понравилась последняя игра, так что она (как, впрочем, и большинство др. обитателей нашей студии) продолжали ее и на улице, на выходе из Дворянского собрания. Е.М.Р. и Н.А.О. надели на лица маски бесстрастия, к груди прикололи по белому бантику и занялись игрой в распорядители. Первому почему-то очень понравились двери, ведущие в общий зал, и он только и делал, что хлопал ими: вероятно его заинтересовало происхождение того приятно скребущего по сердцу скрипа, который они издавали. Второй оказался большим любителем бумажек: ему оказалось мало своей и он хотел было отнять бумажечки у всех присутствующих. Но старшие вовремя заметили эту скверную привычку Н.А.О. и, так как увещания не помогали делу, исключили его из игры.

Описание концерта было бы тенденциозным, если бы мы не упомянули, что в общих играх приняли участие и старшие. Если архиерей Иаков и епископ

Анатолий изображали из себя добрых *taman's*, то еп[ископ] Леонтий проявил немало прыти. Его любимой игрой оказалось вытаскивание пробок из бутылок. Между прочим, он поспорил с другими мальчиками (Митей Мо. и пр.), кто лучше умеет пить из бутылки. Хотя Митя и старался не уступить барону, но последний все-таки взял верх. Еще нужно упомянуть об игре о. А.А. Воронцова и м[ада]те Владимировой. Они отказались от общей игры и предпочли играть с неодушевленными предметами, что свидетельствует об извращенности их вкусов: первый играл с дисгармонией, вторая с роялью.

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 8-8 об.

26 марта. Четверг.

В 7 ч. 15 м. вечера в студию влетел крайне взбудораженный Паша Л. «Феликс! Неужели это правда? Не вресь, что Варвара Николаевна прошла в «Палас»?» – Феликс утвердительно кивнул головой; и они оба вместе помчались в кинематограф, радостно потирая руки и дрожа всем телом. Ах, любовь, любовь! О, молодежь, молодежь! – Весна, весна!

Сегодня наш талантливый, неутомимый, энергичный, веселый, бойкий и всюду сующий свой нос «кудряш» исчез на целый день. Пишуший эти строки видел его лишь в 8 час. утра. Сейчас 11 часов ночи, а он не появлялся в студии до сих пор. По слухам видели его в городской библиотеке. Работает над курсовкой для беспечной и не умеющей трудиться курсистки. Не обедал, не ужинал и не брал в рот горячего.

Вечером в Казань прибыло несколько тысяч австрийцев. Днем по Воскресенской гуляли (без всякого конвоя или стражи) пленные австрийские офицеры. Двое разъезжали на извозчике. Одеты в серо-синие шинели; на голове кепи. Некоторые выглядят франтами, некоторые-же видимо пообносились (измятая, короткая, плохо сидящая шинель etc.<sup>16)</sup>). Наш пострел уже успел побеседовать с одним из офицеров – элегантным, франтоватым венгерцем. В одном месте, вследствие большого стечения гуляющих, они столкнулись; вежливо уступая друг другу дорогу, они сказали: первый – российским наречием – «виноват», второй – с галантностью парижского кавалера – галльским наречием – «*pardon*». Мимоходящие с изумлением на лице сделались свидетелями того факта, что можно говорить на разных языках и тем не менее понимать друг друга.

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 17-17 об.

23 октября.

Принесли весть о забастовках студентов. Причины указывают разные. Одни утверждают, что студенты требуют прекращения войны; по другим – они восстают против призыва. У нас это известие встречено молчанием, лишь П.А.Т. заявил, что сейчас не время забастовкам. Из достоверных источников сообщается такая версия о мотивах студенческой забастовки: студенты отказываются идти воевать до тех пор, пока не будет назначено правительство, пользующееся общественным доверием, пока не наладятся порядки в деле снабжения армии и вообще пока в России не будет той безалаберности, которая царила до сих пор. Мотив, конечно, весьма основательный. «Идти на войну сейчас, говорили студенты, значит быть не более, ни менее, как пущечным мясом».

Почему бы и нам не присоединиться к их голосу? – Где нам! Правда, нам не до этого: нужно писать кандидатки, созидать свое счастье. Ура!

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 41 об.-42.

9 ноября.

Вечером Е.М.Р. и Н.А.О. были у Пр[еосвященного] Ректора с приглашением от имени курса сняться для курсового альбома. Владыка дал милостивое согласие. Разговор перешел на другие темы и растянулся на час. Вспоминали Михайловку. Жаловались на некоторую скуку, объясняя ее отсутствием развлечений. Владыка изволил заметить, что без питий, пожалуй, действительно скучновато. Заговорили о вечеринках. Е.М.Р. указал, что не лишие было бы устроить как-нибудь вечерок с девицами. «Ну, знаете, скромные девицы не пойдут в академию», отозвался о. Ректор. – «Что вы, Владыка!» – пробовал возражать Н.А.О. – «Ну, полное, разве вы пошли бы в институт или на курсы?» – «Был, представьте, один раз и, действительно, с тревожно бьющимся сердцем».

– «Да, всему свое время... А то ведь в 5-м часу вечера идет у нас служба, а студенты на коридоре шумят, свистят и тромбонят».

– «Зато, Владыка, по утрам бывает идеальная тишина». – Общий смех.

– «Впрочем, студенты как будто ходят к молитве. Нет, за вечерней мольбой бывает много... Ну, а вы, Н.А., когда были последний раз за утреней молитвой?» – «Я хожу лишь по банным дням» ...

– «А знакомых у вас много?» – Гм. – «Теперь надо не расширять знакомства, а сокращать. Нужно индивидуализировать в своих знакомствах». – Одобрение.

Разговор перешел к женитьбе. Про Керенского Владыка сказал: «Человек увлекся наукой и пропустил свое время, а теперь как будто бы и поздновато жениться». Узнав, что Раечка небольшого роста и миловидна собой, Преосвященный улыбнулся и заметил: «Ну, это совсем нехорошо». Вспомнили подобие брака киевского профессора Завитневича и московского Муретова.

Относительно кандидаток и Е.М.Р. и Н.А.О. заявили, что особенно не увлекаются работой. – «Нет, надо работать и работать», – сказал о. Ректор – «Ни один атом труда не пропадает даром». – «Я не хочу особенно утруждать себя, – кипризно заявил один из собеседников: я хочу, чтобы и душа и тело находили себе подходящую работу».

– «А вы поработайте несколько часов, потом идите подышать свежим воздухом» [...]

– «Вот вы еще что объясните», – вспомнил Ректор – «Кажется, у вас я видел портрет Толстого. Как будто ему не место...» – «Знаете, он служит для нас постоянным напоминанием, до чего может дойти человек, не получивший высшего богословского образования».

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 54-55.

15 ноября

[...] Володя однажды спросил – были ли эти евангельские чудеса, на что П.А.Л. заметил – как православный богослов, скажу – да, а так – не знаю.

В 12 ч. 31 м. ночи Ф.М.К. и Н.А.О. вернулись в родные Палестины, уйдя из Академии в 11 ч. 45 м. дня. Проходили почти 13 часов. До 10 часов вечера были у знакомых. А затем... Затем попали на задние ворота на кладбище, где и пробродили полтора часа. Всех путешественников было шестеро: три академика – иркутянин, тулак и архангелец, 1 ветеринар – ярославец и 2 курсистки – вятыччики. Кладбище представляло роскошный чарующий вид. Деревья и кресты были густо облеплены снегом. Кой-где мерцали среди кустов огоньки у икон на крестах. В воздухе стояла полная тишина, лишь изредка прерываемая шелестом веток на верхушках сосен. Было несколько жутко и в то же время всеми овладевало некоторое любопытство. В 11 часов сделали привал, кто на скамейке, кто прямо на снегу. Н.А.О.

пытался сбросить с себя шинель, чтобы предложить ее одной из девиц, но по настанию остальных должен был вновь надеть ее. И вдруг налетел ветер и кладбище ожило. Старые деревья сердито качали своими седыми верхушками и укоризненно посматривали на беспечную молодежь, курившую папиросы. Где-то залаяла собака. Промелькнула тень. Затем другая. Потом третья, четвертая. Покойники ожили и отправились на Казанку утолять свою жажду. «Возьмите и меня с собой», – крикнул им Н.А.О. – «В декабре», посыпался ответ. Все затихло. Прошло минут 15. Снова пронеслась струя холодного воздуха. Снова загудели деревья. И снова показались тени: покойники возвращались в свои могилы, для того чтобы в 12 часов ночи вновь выйти из гробов и начать всенощную службу. Молодежь поднялась и пошла дальше. Забор. Запертая калитка. Старообрядческое кладбище. Пожалели, что не вышли к Верочкину бугорку и пошли обратно... Дорога была занесена снегом и все вдоволь начерпали его в свои галоши.

Господа! Пойдемте как-нибудь вечером на кладбище. Это очень интересно: если вообще на могилах человеком овладевает мистическое настроение, то особенно оно сильно ночью, зимой, при полной тишине, под занесенными снегом деревьями, среди мерцающих в различных углах кладбища огоньков на крестах...

ГА РТ, ф. 51, оп. 8, д. 514, л. 57 об.-58.

### ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Императорская Казанская духовная академия.
2. Рубинов Евгений Михайлович (Тамбовская губерния).
3. Орлов Николай Александрович (Архангельская губерния).
4. Срединский Андрей Васильевич (Таврическая губерния).
5. Васильев Василий Александрович (Нижегородская губерния).
6. Машков Василий Васильевич (Астраханская губерния).
7. Пшунетов Александр Иосифович (Александровская губерния).
8. Сатрапинский Алексей Иванович (Вятская губерния).
9. Третьяков Николай Васильевич (Астраханская губерния).
10. Дьяконов Николай Николаевич (Ярославская губерния).
11. Троицкий Павел Алексеевич (Псковская губерния).
12. Нарцев Василий Иванович (Воронежская губерния).
13. Орлеанский Николай Константинович (Костромская губерния).
14. Козельский Феликс Михайлович (Пермская губерния).
15. Липин Павел Александрович (Пермская губерния).
16. «И так далее» (лат.).

### Список литературы

Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. *Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани*. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 498 с.

Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы): в 3 т. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – Т. 3. – 467 с.

Исхакова Р. Р., Галеева М. А. Роль Казанской Духовной академии в становлении народного образования Поволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2021. – № 2. – С. 13-18.

Майоров П. А. Восприятие Первой мировой войны в среде российского студенчества 1914-1917 гг. // Аспирантские чтения – 2022: исследования молодых ученых в решении актуальных проблем науки и практики: электронный сборник материалов научно-практической конференции, Казань, 27-29 апреля 2022 года. – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – С. 112-121.

## References

Vishlenkova E. A. Malisheva S. Yu. Salnikova A. A. *Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kulturi v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan: Kazan University publ., 2005, 498 p.

Znamenskii P. V. *Istoriya Kazanskoi duhovnoi akademii za pervii (doreformennii) period ee suschestvovaniya (1842-1870 godi): v 3 t.* [History of the Kazan Theological Academy for the first (pre-reform) period of its existence (1842-1870): in 3 vol.]. Kazan: Kazan Imperial University publ., 1892, vol. 3, 467 p.

Ishakova R. R., Galeeva M. A. *Rol Kazanskoi Duhovnoi akademii v stanovlenii narodnogo obrazovaniya Povoljya* [The role of the Kazan Theological Academy in the formation of public education in the Volga region]. IN: *Izvestiya Obschestva arheologii istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. Kazan, 2021, no. 2 pp. 13-18.

Mayorov P. A. *Vospriyatie Pervoi mirovoi voini v srede rossiiskogo studenchestva 1914-1917 gg.* [Perception of the First World War among Russian students of 1914-1917] IN: *Aspirantskie chteniya – 2022: issledovaniya molodih uchenih v reshenii aktualnih problem nauki i praktiki: elektronniy sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferencii, Kazan, 27-29 aprelya* [Postgraduate readings – 2022: research by young scientists in solving actual problems of science and practice: electronic collection of materials from the scientific and practical conference, Kazan, April 27-29, 2022]. Kazan: Kazan Federal University publ., 2022, pp. 112-121.

## Сведения об авторе

**Майоров Павел Андреевич**, аспирант кафедры Отечественной истории Казанского федерального университета, e-mail: morowwin@ya.ru

## About the author

**Pavel A. Mayorov**, Postgraduate student of the Department of National History of Kazan Federal University, e-mail: morowwin@ya.ru

## В редакцию статья поступила 18.08.2023, опубликована:

Майоров П. А. «Летопись студентов Казанской духовной академии 1915 г.» как исторический источник // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 3. – С. 89-102.

## Submitted on 18.08.2023, published:

Mayorov P. A. *“Letopis’ studentov Kazanskoi duhovnoi akademii 1915 g.” kak istoricheskii istochnik* [“Chronicle of students of the Kazan Theological Academy in 1915” as a historical source]. IN: *Gasyrlar avazy – Echo vekov* [Echo of centuries], 2023, no. 3, pp. 89-102.